

РОБЕРТ СИЛЬВЕРБЕРГ

ИСТИННОЕ ВИНО ЭРЗУИНА ТЕЙЛА

Роберт Сильверберг — один из самых известных фантастов современности, на его счету десятки романов, антологий и сборников. И как писатель, и как редактор (в этом амплуа он работал над серией антологий «New Dimensions», возможно, самым успешным проектом своего времени) Сильверберг был в числе наиболее влиятельных фигур в фантастике Новой волны в 1970-е годы и остается в ее первых рядах по сей день. Он получил четыре премии «Небьюла», четыре «Хьюго», а также удостоился почетного звания «Грандмастер» от Американской ассоциации писателей-фантастов.

Среди его книг такие известные романы и повести, как «Умиравший изнутри» («Dying Inside»), «Замок лорда Валентина» («Lord Valentine's Castle»), «Книга черепов» («The Book of Skulls»), «Вниз, в землю» («Downward to the Earth»), «Стеклянная башня» («Tower of Glass»), «Сын человеческий» («Son of Man»), «Ночные крылья» («Nightwings»), «Вертикальный мир» («The World Inside»), «Рожденный с мертвецами» («Born With The Dead»), «Shadrach in the Furnace», «Тернии» («Thorns»), «Вверх по линии» («Up the Line»), «Человек в лабиринте» («The Man in the Maze»), «Tom O'Bedlam», «Star of Gypsies», «At Winter's End», «Бездна» («The Face of the Waters»), «Kingdoms of the Wall», «Hot Sky at Morning», «Время „Икс“: Пришельцы» («The Alien Years»), «Лорд Престимион» («Lord Prestimion»), «Горы Маджитура» («Mountains of Majipoor»), «The Longest Way Home», а также два расширенных до размеров романа рассказа Айзека Азимова — «Приход ночи» («Nightfall») и «Безобразный мальчиш» («The Ugly Little Boy») — и роман-попурри «Roma Eterna». Рассказы Сильверберга объединены в сборники «Unfamiliar Territory», «Capricorn Games», «Хроники Маджитура» («Majipoor Chronicles»), «The Best of Robert Silverberg», «The Conglomeroid Cocktail Party», «Beyond the Safe Zone». Кроме того, издательство «Subterranean Press» поставило перед собой цель опубликовать все рассказы автора и выпустило уже четыре тома, а также сборник «Phases of the Moon: Stories from Six Decades» и коллекцию ранних произведений «In the Beginning» Составленных Сильвербергом антологий слишком много, чтобы перечислять их здесь, но среди десятков других выделяются такие, как «The Science Fiction Hall of Fame, Volume One» и превосходная серия «Alpha».

Сильверберг вместе с женой, писательницей Карен Хабер, живет в Окленде, штат Калифорния.

В представленном ниже рассказе автор уведет нас на юг от Альмери к томному Гиузу на полуострове Кларитант, омываемом Клорпентинским морем, — в благоуханный край, дарующий успокоение, насколько оно возможно на Умиравшей Земле. Здесь мы встретимся с поэтом и философом, принимающим слишком близко к сердцу мудрое древнее изречение: «Ешь, пей и веселись, ведь завтра мы все умрем». В особенности — «Пей».

Пуилейн из Гиуза был одним из тех счастливых, кто с рождения пользуется всеми мыслимыми жизненными благами. Его отец владел обширным поместьем в южной, наиболее плодородной части полуострова Кларитант, а мать происходила из древнего рода чародеев, в котором из поколения в поколение передавались секреты великой магии. Кроме того, он унаследовал от родителей крепкое здоровье, стройное, мускулистое тело и незаурядный ум.

Однако, несмотря на все подарки судьбы, Пуилейн отличался необъяснимой и неискоренимой склонностью к меланхолии. Он жил на берегу Клорпентинского моря в огромном доме с изящными лоджиями и пилястрами, защищенном сторожевыми башнями с узкими бойницами и подъемным мостом. Лишь немногим позволялось нарушать уединение Пуилейна. Время от времени его душа погружалась в темные пучины депрессии, смягчить которую удавалось лишь одним способом — поглощая неумеренное количество крепких напитков. Мир одряхлел и приближался к неизбежной гибели, даже скалы истерлись и сгладились от старости. Каждая былинка несла в себе воспоминания о давних веках, и сам Пуилейн с детских лет отчетливо понимал, что будущее являет собой пустой сосуд и только необозримое прошлое еще способно поддерживать собой зыбкость настоящего. В этом знании и заключался источник его неизбывной печали.

Лишь с усердием налегая на вино, он получал возможность на время отбросить мрачные мысли. Вино открывало ему дорогу к высокому искусству поэзии, сладкозвучные строки лились из уст Пуилейна нескончаемым потоком, позволяя ему освободиться из пут уныния. Он в совершенстве владел всеми формами стихосложения, будь то сонет или секстина¹, вилланелла² или фривольная шансонетка, так почитаемая презиравшими рифму поэтами из Шептон-Ома. Его стихи были превосходны, но даже в самом веселом из них звучала нотка черного отчаяния. На дне чаши с вином он видел все ту же беспощадную истину, утверждавшую, что дни этого мира сочтены, что солнце — всего лишь остывающий красный уголек в бескрайнем черном небе, что все людские надежды и усилия тщетны. Эта насмешка судьбы отравляла даже самые светлые его чувства.

¹ Секстина — стихотворение на две рифмы (твердая форма), состоящее из шести строф, каждая из которых включает по шесть стихов, причем каждая новая строфа повторяет конечные слова предыдущей.

² Вилланелла — жесткая поэтическая форма с повторяющимися строфами, стихотворение, состоящее из девятнадцати строк: пяти трехстиший и одного завершающего четверостишия.

И тогда, сидя в добровольном затворничестве в своем прекрасном доме, возвышающемся над Гиузом — столицей благословенного Клаританта, наслаждаясь самыми изысканными винами или любуясь диковинками из своей коллекции и экзотическими растениями в саду, он радовал немногочисленных друзей такими, к примеру, стихами:

Промозглая темная ночь за окном,
Но ярко сверкает мой кубок с вином.
И прежде чем пить, я о том вам спою,
Что радость покинула душу мою.

Что солнце тускнеет, увы, с каждым днем,
И я вижу свет только в кубке моем.
Что толку рыдать над увядшим листом?
Что толку оплакивать рухнувший дом?
Вот кубок с вином!

Как знать, может, это последний закат,
И солнце уже не вернется назад.
И будет лишь тьма, до конца бытия.
Конец уже близок, так выпьем друзья!

Промозглая темная ночь за окном,
Но ярко сверкает мой кубок с вином.
Так выпьем друзья!

— Как восхитительны эти стихи, — воскликнул Джимбитер Солипан, стройный и веселый мужчина в зеленых дамастовых¹ брюках и алой рубашке из морского шелка². Пожалуй, его можно было назвать самым близким другом Пуилейна, несмотря на полную противоположность их характеров. — Они вызывают у меня желание петь, танцевать и еще...

Джимбитер не договорил, но бросил многозначительный взгляд на буфет в дальнем углу комнаты.

— Да, я знаю — и еще выпить вина.

Пуилейн поднялся из-за стола и подошел к буфету из черного сандалового дерева, расписанного ярко-голубым и золотистым орнаментом, где он держал недельный запас вина. На мгновение он задумался над выстроенными в ряд бутылками, затем обхватил горлышко одной из них. Багровый напиток радостно сверкал сквозь бледно-лиловое стекло.

— Одно из лучших, — объявил Пуилейн. — Кларет с виноградников долины Скома в Асколезе. Он ждал этого вечера сорок лет. Чего еще дожидаться? А ну как другого случая не представится?

¹ *Дамаст* (камка) — ткань (обычно шелковая) с рисунком, образованным блестящим атласным переплетением нитей на матовом фоне полотняного переплетения.

² *Морской шелк* (виссон) — тонкая ткань, которую изготавливали из волокна, выделяемого некоторыми видами моллюсков. Из виссона шились одежды первосвященников, царей и фараонов.

— Пуилейн, ты же сам только что сказал: «Как знать, может, это последний закат». Зачем же ты прячешь от меня Истинное вино Эрзуина Тейла? Мы должны попробовать его, пока есть возможность. Или ты против?

Пуилейн печально усмехнулся и посмотрел на украшенную узором дверь в дальней стене зала, где под защитой сильных заклинаний хранились самые лучшие его вина.

— Возможно, сегодня еще не конец света. По крайней мере, я не вижу никаких очевидных его признаков. А Истинное вино подобает пить только по особым случаям. Я пока не стану открывать его. Но и то вино, что сейчас у меня в руках, тоже недурно. Убедись сам.

Он прошептал заклинание, снимающее печать, и наклонил горлышко бутылки, наливая вино в прозрачные бокалы с пурпурно-золотой каймой. Напиток удивительным образом начал менять цвет: сперва с багрового на густо-малиновый, затем стал пунцовым, сиреневым, лиловым с топазовыми искорками и завершил спектр превращений великолепным медно-золотым оттенком.

— Идем.

Он провел друга на смотровую площадку, обращенную к заливу. Они уселись в кресла по обе стороны от большой вазы из черного фарфора, над которой величественно парила в воздухе такая же черная фарфоровая рыбка. Это была одна из самых любимых вещей в коллекции Пуилейна.

Ночь опускалась на Гиуз. Красное солнце обессиленно повисло над морем. Звезды, слепящие глаза, уже заблестели на потемневшей части небосвода, выстраиваясь в знакомые созвездия: Древний Нимб, Перекрещенные Мечи, Плащ Кантенакса, Клешня. Воздух с каждой минутой становился все холодней. Даже здесь, на далеком юге, защищенном от пронизывающих ветров, что гуляют по просторам Альмери и всего Великого Мотолама, высокими Келпусарскими горами, было не скрыться от ночных холодов. Даже здесь то скудное дневное тепло, которое еще могло дать остывающее солнце, с наступлением темноты улетало в пустоту сквозь истончившуюся атмосферу.

Друзья молча наслаждались живительной силой вина, постепенно проникающей во все уголки души и наконец достигающей сердца. Для Пуилейна это была пятая за день бутылка, он уже давно миновал границу умеренности, зато и обычная мрачность теперь оставила его. Восхитительное круговращение мира туманило разум. Он начал с серебристого вина из Каучике, сверкающего золотыми искрами, затем перешел к легкому рубиновому с вересковых пустошей, следом — к бодрящему и крепкому, словно гранит, напитку с мыса Таумисса. Мягкое, пленительное сухое из Харпундия служило лишь прелюдией к достойному высшей похвалы вину, которым он сейчас угощал друга. Такая последовательность вошла у него в привычку. С ранней юности он и двух часов кряду не мог провести без бокала в руке.

— Как восхитительно это вино, — произнес наконец Джимбитер.

— Как темна эта ночь, — отозвался Пуилейн. Даже теперь он не мог совладать с мрачными мыслями.

— Забудь о темноте, дорогой друг, и наслаждайся этим превосходным вкусом. Но для тебя ночь и вино неразрывно связаны, не так ли? Одно следует за другим в бесконечной погоне.

Здесь, на юге, солнце быстро уходило за горизонт, сменяясь безжалостными иглами звезд. Друзья задумчиво прихлебывали из бокалов, затем Джимбитер нарушил тишину:

— Ты слышал о чужаках, недавно появившихся в городе и справлявшихся о тебе?

— Вот как, чужаки? И они спрашивали обо мне?

— Трое мужчин с севера. На вид — неотесанная деревенщина. Мой садовник говорит, что они интересовались твоим садовником.

— Вот как? — повторил Пуилейн без особого интереса.

— Эти садовники — все как один прохвосты. Шпионят за нами и продают наши секреты любому, кто готов хорошо заплатить.

— Меня это ничуть не интересует, Джимбитер.

— Неужели тебе совсем не любопытно, зачем они спрашивали о тебе?

Пуилейн пожал плечами.

— А вдруг это грабители, узнавшие о твоём легендарном богатстве?

— Возможно. Но пусть они сначала послушают мои стихи, прежде чем грабить мой дом.

— Ты слишком легкомыслен, Пуилейн.

— Мой друг, само солнце умирает на наших глазах. Так неужели же я потеряю сон и аппетит при мысли, что какие-то чужаки решили выкрасть из моего дома всякие безделушки? За бестолковым разговором мы совсем забыли о вине. Умоляю тебя, Джимбитер, пей и выбрось из головы этих людей.

— Я-то выброшу, но сначала я хочу убедиться, что ты сам не сделаешь того же, — ответил Джимбитер, но тут же понял, что настаивать бесполезно.

Его друг был по-своему беспечным человеком. Глубокое уныние, завладевшее всем существом Пуилейна, лишило его присущей другим людям осторожности. Он жил без надежды на будущее и потому мог позволить себе ни о чем не беспокоиться. А сейчас, как догадался Джимбитер, Пуилейн и вовсе отгородился от проблем за несокрушимой стеной винных бутылок.

Самого же Джимбитера троица чужаков весьма беспокоила. Еще днем он постарался отыскать их. Садовник сказал, что незнакомцы остановились в старой гостинице «Голубая виверна», расположенной между бывшим скобяным базаром и рынком, где торговали тканями и пряностями. Поэтому Джимбитер без труда отыскал их на бульваре, проходящем через весь торговый квартал. Первый из чужаков, невысокий, но крепкий, кутался в тяжелую бурую шубу, на ногах у него были лиловые рейтузы и такие же башмаки, а на голове — шапка из меха черного медведя. Второй, высокий и худой, носил феску из леопардовой шкуры, желтую муслиновую¹ блузу и красные сапоги, украшенные шпорами из длинных игл морского ежа. Третий был одет скромнее — в простую серую тунику и зеленую рубаху из грубой ткани. Этот человек среднего роста казался незаметным на фоне своих разряженных приятелей — но лишь до того момента, пока Джимбитер не увидел его глаза, глубоко посаженные, решительные, горящие змеиной злобой. Они, словно два черных обсидиана, выделялись на бледном как мел лице чужака.

¹ *Муслин* — разновидность неотделанной тонкой хлопчатобумажной ткани..

Джимбитер попытался разузнать о незнакомцах в гостинице, но выяснил лишь, что они назвались купцами то ли из Альмери, то ли из какой-то другой северной страны, направляющимися на юг по торговым делам. Кроме того, хозяин гостиницы подтвердил слухи о том, что чужакам откуда-то известно имя лучшего поэта столицы и они настойчиво ищут встречи с ним. Джимбитер поспешил предупредить друга, но с горечью убедился, что большего сделать не в силах.

При этом беспечность Пуилейна вовсе не была наигранной. Того, кто посетил отравленные берега моря Забвения и сумел вернуться обратно, уже ничто не могло обеспокоить. Он доподлинно знал, что окружающий мир — всего лишь иллюзия, созданная туманом и ветром, и было бы сущим безумием поверить во что-либо иное. В трезвом состоянии Пуилейн из Гиуза оказался бы не менее подверженным тревогам и отчаянию, чем любой другой человек. Но он старался как можно быстрее принять свое излюбленное противоядие, пока отравленные щупальца реальности не нарушили его покой. Без вина он не смог бы справиться с неотвязными мрачными мыслями.

Два последующих дня Пуилейн провел в одиночестве в своем полном сокровищ доме. Просыпался на рассвете, купался в ручье, бегущем через сад, затем завтракал с привычной умеренностью и после долгого раздумья над выбором открывал первую бутылку.

К полудню, не позволяя погаснуть огню, зажженному вином в его сердце, он доставал вторую бутылку и какой-нибудь том из собрания своих стихов. Всего в нем насчитывалось пятьдесят или шестьдесят толстых тетрадей в одинаковых черных переплетах из кожи ужасного деодана, за которую охотник получил щедрую награду. Здесь были записаны лишь те из бесчисленного множества стихов Пуилейна, которые он сам посчитал достойными того, чтобы запомнить и сохранить. Он то и дело перечитывал их со щемлящим наслаждением. Скромно держащийся на людях, наедине с собой Пуилейн откровенно восхищался собственными стихами, и вторая бутылка лишь усиливала это чувство.

Затем, прежде чем благодатное действие вина успевало закончиться, он обычно отправлялся на прогулку по залам своего дома, с непреходящим восторгом осматривая сокровища и диковинки, собранные им в пору юношеских путешествий по миру. Он успел побывать и на далеком севере, в мрачных пустынях за горами Фер-Аквила, и на столь же отдаленном востоке, за землей Падающей Стены, где обитали полчища смертоносных гулей¹ и гру, и на крайнем западе, в разрушенном городе Ампридатвире, а также в суровом Ацедерахе на берегу темного Супостимонского моря.

Повсюду юный Пуилейн собирал сувениры для будущей коллекции, но не потому, что ему так уж сильно нравилось это занятие. Просто оно на время отвлекало его, точно так же, как и вино, от неотвязных мрачных мыслей, с детских лет одолевавших его разум. Теперь он старался продлить минуты забвения, любовно касаясь этих вещей. Воспоминания о путешествиях по прекрасным,

¹ *Гуль* — в доисламском фольклоре оборотень, живущий в пустыне возле дорог, охотящийся на путников и пожирающий их.

полным очарования землям, равно как и по тем, где пришлось испытать трудности и лишения, вероятно, не были бы для него так важны, если б не позволили ненадолго отрешиться от дня сегодняшнего.

Затем Пуилейн обедал, так же умеренно, как и завтракал, непременно выпивая за трапезой третью бутыль, выбранную на этот раз по усыпляющим свойствам вина. Подремав после обеда, он снова купался в холодном ручье. Уже ближе к вечеру Пуилейн торжественно откупоривал четвертую бутыль, пробуждавшую его поэтический дух. Он торопливо записывал родившиеся стихи, не останавливаясь и не перечитывая, пока порыв вдохновения не угасал. Тогда он снова принимался за книги или же произносил несложное заклинание, наполнявшее музыкой зал, что выходил окнами к морю. Наступало время ужина, более основательного, нежели обед или завтрак, и Пуилейн позволял себе насладиться пятой бутылью с самым изысканным вином, к выбору которого он подходил с особой тщательностью. После чего в надежде, что на этот раз умирающее солнце наконец-то погаснет и избавит его от неотвязных мучительных дум, он забывался сном, не приносящим облегчения и лишенным сновидений.

Так повторялось все три дня после беседы с Джимбитером Солиптаном, пока однажды у ворот усадьбы не появились три чужака, о которых предупреждал Пуилейна его друг.

Они выбрали для посещения время второй бутылки, когда Пуилейн только взял с полки томик своих стихов. Он не любил живую прислугу и содержал для работы по дому нескольких бестелесных духов и призраков, один из которых и сообщил хозяину о неожиданном визите.

Пуилейн равнодушно взглянул на висевшее в воздухе прозрачное, почти невидимое существо, которое словно пыталось разделить с ним его страдание.

— Пусть войдут. Передай, что я приму их через полчаса.

Не в его обычае было принимать посетителей по утрам. Даже призрак удивился подобному отступлению от правил.

— Господин, если мне будет позволено высказать свое мнение...

— Не будет. Я сказал, что приму их через полчаса.

До прихода гостей Пуилейн успел переодеться в тонкую тунику светлого тона, лиловую рубашку, кружевные брюки того же цвета поверх нижних темно-красных и ослепительно белый камзол. Он уже выбрал для себя охлажденное игристое вино из бухты Санреале, имеющее металлически-серый оттенок, а теперь поставил рядом и вторую бутыль.

Призрак-слуга вернулся ровно через полчаса в сопровождении таинственных гостей. Как и предупреждал Джимбитер Солептан, все они выглядели неотесанными простолюдинами.

— Мое имя Кештрел Тсайе, — объявил самый низкорослый из троицы.

Вероятно, он был у них за старшего: широкоплечий мужчина, облаченный в пушистую шубу из меха неизвестного животного и шапку из другого, более гладкого меха, украшенную золотой каймой. Широкая густая борода почти полностью закрывала его грубое некрасивое лицо, словно еще одна звериная шкура.

— Это Унтан Виорн. — Старший кивнул в сторону высокого спутника в желтой блузе, безвкусно ярких красных сапогах и нелепом головном уборе с ки-

сточками, пятнистом, словно шкура леопарда. — А это Малион Гейнтраст. — Он посмотрел на третьего гостя, бледнокожего и скромно одетого, с безразличным выражением лица и холодными внимательными глазами. — Мы все — большие поклонники вашего таланта и специально прибыли сюда от далеких гор Мауренрона, чтобы выразить вам свое восхищение.

— Трудно найти подходящие слова, чтобы описать восторг, который я испытываю, стоя рядом с самим Пуилейном из Гиуза, — добавил долговязый Унтан Виорн преувеличенно мягким, бархатистым голосом, немного напоминающим змеиное шипение.

— Мне кажется, что вы достаточно легко находите слова, — заметил Пуилейн. — Но, возможно, это просто фигура речи. Вы не откажетесь выпить со мной? В утренние часы я обычно выбираю что-нибудь незамысловатое, наподобие вина из Санреале.

Он указал рукой на пару округлых серых бутылей. Однако Кештрел Тсайе вытащил из-под шубы два зеленых сосуда сферической формы и также поставил их на стол.

— Не сомневаюсь, что ваш выбор превосходен, мастер. Но мы наслышаны о вашем пристрастии к виноградному вину и принесли вам в подарок эти бутылки с настоящим старинным вином, знаменитой голубой амброзией Мауренрона. Возможно, здесь о ней и не слышали, но я уверен, что эта новинка вам понравится.

Пуилейн и в самом деле никогда прежде не пробовал амброзию Мауренрона, но сразу определил, что это грубый и простой напиток, годный лишь для того, чтобы растирать им усталые ноги. Однако он сохранил приветливое выражение лица, внимательно разглядывая оплетенные бутылки, поднося их к свету и взвешивая на руке.

— Добрая слава о вашем вине еще не достигла наших краев, — дипломатично ответил он. — Но я предлагаю попробовать его позже, а перед обедом, как вы уже слышали, я предпочитаю легкое вино, которое, возможно, придется по вкусу и вам.

Пуилейн вопросительно взглянул на гостей. Они никак не выразили несогласия, и он произнес заклинание, открывающее бутылки санреале, и наполнил бокалы.

Вместо тоста Унтан Виорн процитировал одно из самых известных стихотворений Пуилейна:

Кто в этом мире я? Лишь крошечная лодка,
Что проплывает на закате к морю,
Не оставляя на воде следа.

Он читал с отвратительной интонацией и неправильным ритмом, но по крайней мере не перепутал слова, и Пуилейн пришел к выводу, что гость все же хотел сделать ему приятное. Потягивая вино, он с интересом рассматривал странную троицу. Они походили на отъявленных бандитов, но, возможно, их грубые манеры были обычными для жителей Мауренрона, куда он так ни разу и не добрался за время своих дальних путешествий. Судя по всему, в своей

северной стране они занимали высокое положение: были герцогами, или принцами, или на худой конец министрами. Пуилейн с едва теплящимся интересом размышлял над тем, чего эти люди хотят от него. Не проделали же они столь долгий путь лишь для того, чтобы почитать ему его собственные стихи?

Джимбитер был уверен, что они явились сюда с недобрыми намерениями. И вполне могло оказаться, что этот пронизательный знаток человеческой души не ошибся в своих выводах. Однако бокал вина на время умерил беспокойство Пуилейна. Теперь гости казались ему лишь новой забавной головоломкой. Он решил подождать, что произойдет дальше.

— Надеюсь, ваше путешествие было не слишком трудным? — вежливо поинтересовался он.

— Мы немного знакомы с магией, и прихватили с собой несколько полезных заклинаний, которые и вывели нас к цели, — объяснил Унтан Виорн. — Только переход через Келпусар оказался по-настоящему трудным. В том месте, где его пересекают горы Одиннадцати Сомнений.

— О, я хаживал через те края, — оживился Пуилейн. Это было удивительное нагромождение неотличимых друг от друга по виду скал, и все дороги там казались одинаковыми, хотя лишь единственная из них вела в нужном направлении, а остальные сулили путникам множество неприятностей. — Но вы, очевидно, отыскали верное направление, а также с не меньшей ловкостью одолели Ворота Призраков и миновали смертельно опасные Столбы Ян Сфой.

— Надежда попасть в то место, где мы сейчас находимся, провела нас через все препятствия, — произнес Унтан Виорн еще более елейным голосом. И снова процитировал Пуилейна:

Мы карабкались в горы высотой как тысяча башен,
Мы сплавлялись по рекам, чей рев непрерывен и страшен,
В этом дьявольском грохоте таяли возгласы наши.
Мы ломились сквозь дебри, путь себе расчищая мечами.
А потом золотое сияние моря в туманной дали замечали,
И как будто и не было дальней дороги у нас за плечами.

Как варварски произносил он эти изысканные стихи! Сколь бесцветно звучал его голос, когда он дошел до восхитительной финальной строки! Однако Пуилейн постарался скрыть свое возмущение. Эти чужеземцы оказались его гостями — пусть даже незванными, — и по законам гостеприимства он должен был развлекать их непринужденной беседой. Кроме того, они в какой-то мере и сами развлекали его. В последние годы жизнь Пуилейна протекала в строгом и нерушимом порядке. Появление северных варваров, читающих стихи, внесло в нее некоторое разнообразие. Он все более сомневался в справедливости подозрений Джимбитера.

Ничего опасного в гостях он не видел, за исключением разве что холодных глаз того из них, который пока еще не произнес ни слова. Джимбитер, очевидно, принял за дурные намерения самоуверенность и скверные манеры чужаков.

— Еще мы слышали, что вы коллекционируете всякие диковинки. Позвольте нам в знак восхищения вашим талантом вручить вам скромный подарок, —

сказал закутанный в шубу Кештрел Тсайе и тоже процитировал короткий отрывок:

Я должен взять от жизни все сполна,
Ведь дальше — темнота и тишина.

— Малион Гейнтраст, если тебя не затруднит...

Кештрел Тсайе кивнул спутнику с холодными как лед глазами. Тот достал не замеченный ранее Пуилейном мешок и вытащил оттуда барабан из красного сандалового дерева с туго натянутой шкурой таупина. Девять красноглазых человечков исполняли на ней непристойный танец. Следом появилась небольшая прозрачная сфера из зеленого халцедона, внутри которой бился и кричал пойманный в ловушку демон. А за ней — крохотный флакон, заполненный приятно пахнущей желтой жидкостью, которая то выливалась на пол, то снова возвращалась в сосуд. Гость продолжал вынимать из мешка подарки, пока на столе перед Пуилейном не выстроилась дюжина подобных безделушек.

Тем временем хозяин уже почти допил вино из своей бутылки, и у него начала кружиться голова. Гости же, которым досталось лишь по трети бутылки, едва пригубили из своих бокалов. Неужели они были настолько воздержаны в питии? Или это искрящееся вино санреале оказалось слишком изысканным для их непривередливого вкуса?

Дождавшись, когда Малион Гейнтраст закончит выставлять подарки, Пуилейн сказал:

— Если вас не устраивает мой выбор вина, я могу подыскать что-нибудь более привычное для вас или открыть то, что вы принесли в подарок мне.

— Вино превосходно, мастер, — ответил Унтан Виорн. — Иначе и быть не могло. Мы знаем, что в ваших кладовых хранятся самые ценные напитки на свете — и даже непревзойденное Истинное вино Эрзуина Тейла. Это санреале, которым ты угощаешь нас, разумеется, не может с ним сравниться. Но и оно в своем роде также изысканно, и мы пьем медленно лишь потому, что смакуем каждый глоток. Пить вино, выбранное Пуилейном из Гиуза в его собственном доме, — это такая честь, что у нас перехватывает горло от восторга. Вот почему еще мы пьем медленней, чем могли бы.

— Значит, вы знаете об Истинном вине?

— Кто же о нем не знает? Легендарное вино Нолвейнов, правивших Гаммелькором в те времена, когда солнце еще не утратило свой золотой блеск. Вино волшебства, вино, дарующее высшее наслаждение, какое только возможно представить. Вино, открывающее все двери мира. — Теперь в глазах долгоязого сверкала ничем не сдерживаемая алчность. — Ах, если бы нам посчастливилось отведать всего один глоток! Или хотя бы посмотреть на сосуд, в котором хранится этот удивительный эликсир!

— Я очень редко достаю его, даже для того чтобы просто полюбоваться им, — объяснил Пуилейн. — Боюсь, что если я принесу вино из хранилища, у меня возникнет непреодолимое желание попробовать его. А для этого еще не пришло время.

— Какая железная выдержка! — поразился Кештрел Тсайе. — Обладать Истинным вином Эрзуина Тейла и даже не попробовать его! Позвольте узнать, почему вы отказываете себе в таком наслаждении?

Этот вопрос Пуилейн уже много раз слышал от друзей, потому что не делал тайны из того, что хранит Истинное вино в своем подвале.

— Я всего лишь экстравагантный сочинитель грустных посредственных стишков. Да-да, — остановил он протесты гостей, — посредственных стишков, которые льются из меня таким потоком, что давно бы заполнили весь дом, если б я записывал каждую пришедшую в голову строчку. Я сохранил лишь небольшую часть из них. — Пуилейн небрежным жестом указал на полку с полусотней томов в переплете из кожи деодана. — Но где-то в глубинах моей души скрывается одна истинная, великая поэма, в которой отразится вся история Земли и которая станет итогом моей жизни и моим завещанием. Нашим завещанием — всех тех, кто живет в последние дни мира. Когда-нибудь я почувствую, что строки уже созрели во мне, переполняют меня и просятся наружу. Думаю, это случится в тот момент, когда солнце испустит последний луч света и Земля погрузится в вечную темноту. Вот тогда, и только тогда, я вскрою печать бутылки с Истинным вином и выпью его. Если оно действительно открывает все двери, то и дверь творчества также отворится, выпуская на волю истинного поэта, томящегося в моем теле. И я в приливе хмельного вдохновения сочиню ту великую поэму, о которой мечтал всю жизнь.

— Мастер, если вы напишете такую поэму лишь накануне гибели мира, это будет несправедливо по отношению к нам, — заметил Унтан Виорн. — Как мы сможем прочесть ее, когда Землю поглотит мрак? Некому будет передать нам ваши последние стихи, все умрут от холода. Вы лишаете нас этого великолепия, отказываете в последнем подарке!

— Если и так, — рассудил Пуилейн, — все равно время откупорить эту бутылку еще не пришло. Но я могу предложить вам другой напиток.

Он достал из буфета большую округлую бутылку с древним фалернским вином. Этикетка на ней стерлась и пожелтела от времени, печать была сорвана, и все прекрасно видели, что внутри нет ничего, кроме засохшего осадка на самом дне. Гости в замешательстве уставились на Пуилейна.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — Один знакомый чародей произнес над некоторыми бутылками из моей коллекции заклинание восстанавливающей эманации. Теперь вино в них может появляться вновь.

Он наклонил голову, прошептал что-то, и через мгновение бутылка удивительным образом начала заполняться. Затем он разлил напиток по бокалам.

— Удивительное вино, — произнес Кештрел Тсайе, сделав пару глотков. — Ваше гостеприимство превосходит все наши ожидания, мастер.

Его лицо под густой бородой разругалось, с Унтаном Виорном произошло то же самое, и даже мрачный взгляд Малиона Гейнтраста, сидевшего поодаль и как будто случайно оказавшегося в этом зале, несколько смягчился.

Пуилейн улыбнулся и умиротворенно откинулся на спинку кресла. Он не собирался сегодня пить фалернское, к тому же это было слишком крепкое вино для столь раннего часа. Однако и особого вреда в том, чтобы опьянеть к полуд-

ню немного больше обычного, он тоже не видел. К тому же Пуилейн мог теперь чуть раньше сочинить какое-нибудь стихотворение. Его неотесанные поклонники, безусловно, придут в восторг, оказавшись свидетелями творческого акта.

Между тем, неторопливо потягивая вино, он почувствовал, что стены зала начали раскачиваться и заскользили по кругу. А сам он словно бы медленно поднялся в воздух и теперь наблюдал сверху за самим собой сквозь приятную дымку, окутавшую разум.

К некоторому его удивлению, гости собрались вокруг него и завязали философскую беседу о природе преступлений.

Кештрел Тсайе заявил, что близкая гибель мира освободила людей от всех ограничений, навязанных законом, и теперь не имеет большого значения, чем каждый из них занимается, поскольку смерть вскорости уравнивает все счета.

— Не могу согласиться, — возразил ему Унтан Виорн. — Мы по-прежнему должны нести ответственность за свои поступки, нарушающие традиции и жизненные устои и тем самым, возможно, приближающие ужасный конец, который нам всем грозит.

— В каком смысле? — сквозь дрему поинтересовался Пуилейн.

— Преступление является не столько нарушением людских законов, — пояснил Унтан Виорн, — сколько повреждением причинно-следственных связей между человечеством и окружающим миром. Я полагаю, что именно наша жесткость, наши грехи и преступления истощили силы умирающего солнца.

Малион Гейнтраст беспокожно шевельнулся, словно решил наконец заговорить, но справился с собой и снова принял отстраненный вид.

— Интересная теория, — признал Пуилейн. — Значит, вы считаете, что совокупные грехи и преступления рода человеческого за многие тысячелетия привели к угасанию солнца и, таким образом, мы сами виновны в своей гибели?

— Да, похоже на то.

— Стало быть, уже бесполезно хранить добродетель, — печально сказал Пуилейн. — Свои ужасными пороками мы безвозвратно погубили себя. Принесенный ущерб невозможно восполнить в последние дни существования мира.

Он безутешно вздохнул и с испугом осознал, что действие вина ослабло, стены перестали вращаться, а туман рассеялся. Он снова оказался почти трезвым и ощутил полную незащищенность перед непроглядным мраком собственных мыслей. Такое уже случалось с ним прежде. Теперь, сколько ни пей, отогнать тьму уже не получится.

— Вы чем-то обеспокоены, мастер, — заметил Кештрел Тсайе. — Я чувствую, что, несмотря на чудесный вкус этого вина или, может быть, именно из-за него, ваше настроение внезапно изменилось.

— Я вспомнил о близкой смерти. Наше солнце остыло и утратило яркость... впереди лишь неизбежное забвение...

— Полагаю, мастер, вам следовало бы радостно приветствовать приближение катастрофы, а не впасть в уныние.

— Радостно приветствовать?

— Вне всякого сомнения. Каждому из нас суждено в свой черед умереть — таков закон природы, — и было бы так больно сознавать, что я лежу при смерти, а все прочие остались жить дальше, уже без меня. Но если все погибнут одновременно, у меня не останется причин для зависти и обиды, и я с радостью встречу общий, уравнивающий всех конец.

Пуилейн упрямо покачал головой.

— В вашем доводе есть смысл, но мало причин для радости. Я в любом случае не стал бы завидовать тем, кто выживет. Вместе со мной умрет весь мой мир, и смерть нашего солнца лишь прибавит скорби к этому и без того невероятно печальному событию.

— Вы слишком углубились в бесплодные размышления, мастер, — беззастенчиво сказал Унтан Виорн. — А ведь перед вами стоит бокал с вином.

— Да, эти жалкие и унылые мысли не делают мне чести. Даже в пору расцвета мира, когда солнце сияло вдвое ярче, каждый взрослый человек сталкивался со смертью, и лишь малодушные и глупые люди страшились и проклинали ее, вместо того чтобы принять с философским смирением. Бессмысленно сожалеть о неизбежном. Но я должен с прискорбием признать, что не способен справиться со своими чувствами. Только вино позволяет мне на время унять их. Впрочем, и оно не всегда приносит облегчение.

Он потянулся к бокалу с фалернским, но тут в разговор вмешался Кештрел Тсайе:

— Именно это вино так расстроило вас, мастер. Давайте лучше выпьем то вино, которое мы принесли вам в подарок. Возможно, вы не слышали, но оно славится способностью отгонять печаль.

Он взглянул на Малиона Гейнтраста, и тот мгновенно поднялся и ловко распечатал обе бутылки с амброзией Мауренрона. Затем взял новую посуду из буфета и налил бледно-голубой напиток почти до краев в бокал Пуилейна из одной бутылки и втрое меньше — себе и своим спутникам из другой.

— За ваше здоровье, мастер. За вновь обретенную радость. Многая лета.

Вино чужаков оказалось свежим и бодрящим, без малейшего намека на грубый кисловатый вкус, которого Пуилейн в глубине души ожидал. За первым осторожным глотком он сделал более уверенный второй, а затем и третий. Вино и вправду действовало успокаивающе, быстро вызволив Пуилейна из трясины уныния, в которой он по неосторожности едва не увяз.

Однако еще через мгновение он почувствовал неприятный осадок на языке и обнаружил, что под внешним радостным и открытым вкусом вина скрывается другой, почти щелочной, поднимающийся все выше по небу и уничтожающий первоначальное ощущение. Голова вдруг отяжелела, руки и ноги сделались ватными. Пуилейн отчетливо вспомнил, что гости наливали ему из одной бутылки, а сами пили из другой. Затем, когда он понял, что не может даже пошевелиться, стало окончательно ясно, что в вино подмешано какое-то зелье. Малион Гейнтраст подошел к нему и пронзительным жестким взглядом посмотрел в глаза. Затем что-то пробормотал нараспев, и Пуилейн даже в своем нынешнем плачевном состоянии без труда угадал в этих словах простенькое обездвиживающее заклинание.

Как и любой состоятельный человек, Пуилейн защитил свой дом различными охранными чарами, которые, по уверениям семейного мага, должны были уберечь его от любых неприятностей. Например, от воровства, поскольку в доме хранились немалые ценности, которыми многие хотели бы завладеть. Дом также следовало оберегать от пожара, землетрясения, падения небесных камней и других превратностей природы. Кроме того, принимая во внимание свое пристрастие к вину, которое могло привести к необдуманным или неосторожным действиям, Пуилейн установил и защиту от чрезмерного опьянения.

Оказавшись теперь в опасности, он решил, что Бдительный страж Цитранды как нельзя более подходит к этому случаю, и непослушными губами начал произносить заклинание. Однако в последние годы Пуилейн пренебрегал осторожностью и регулярно забывал вовремя подкреплять энергию домашнего стража, ослабевшего в результате настолько, что заклинание не произвело никакого эффекта. Даже призрачная прислуга была не в силах помочь ему в этом затруднительном положении. Едва осязаемая телесная форма призраков не устояла бы под напором злоумышленников. Из всех слуг Пуилейна живым был только садовник. Но даже если бы он находился сейчас в доме, то все равно не расслышал бы слабый призыв хозяина. Пуилейн внезапно осознал, что он совершенно незащищен.

Гости, оказавшиеся грабителями, осторожно подняли его с кресла.

— Будьте добры составить нам компанию в экскурсии по вашему знаменитому собранию драгоценных диковинок, — сказал Кештрел Тсайе.

Пуилейн потерял всякую способность к сопротивлению. Хотя он мог передвигаться самостоятельно, руки его были связаны невидимыми крепкими путами, а разум лишь выполнял чужие желания. Он просто позволил злоумышленникам водить себя, шатающегося от опьянения, из одного зала в другой. Когда его спрашивали о том или ином предмете, у Пуилейна не оставалось другого выбора, кроме как подробно рассказать о нем. Любую вещь, чем-то поражающую воображение грабителей, они снимали с полок, а затем Малион Гейнтраст относил добычу в большой зал и бросал в кучу, которая росла на глазах.

Так они забрали Хрустальную пластину Карсефона Зорна, на которой можно было наблюдать картины обыденной жизни любого из семи уровней реальности. Они взяли и нижнюю рубашку одного из давно позабытых царей фарьялов — стоило час походить в этой одежде, и мужская сила увеличивалась в двадцать раз. И еще Ключ Сарпанигондара — хирургический инструмент, позволяющий излечить любой больной орган, не разрезая кожу и другие ткани тела. Они взяли также Неистощимую нефритовую шкатулку — реликвию племени разбойников с холодных равнин Нижнего Галура. И Несравненного феникса Сангаала, с крыльев которого при каждом движении осыпалась золотая пыль. И Семицветный ковер Кипарда Сеганга, и инкрустированную алмазами шкатулку с Фимиамом изумрудного неба, и множество других удивительных предметов из коллекции Пуилейна, о которой давно ходили легенды по всем окрестным землям.

Он наблюдал за разбоем со все возрастающим отчаянием.

— Значит, вы проделали такой долгий путь лишь для того, чтобы ограбить меня?

— Не совсем так, — ответил Кештрел Тсайе. — Можете не сомневаться, мы действительно высоко ценим ваши стихи, и надежда встретиться с вами во многом помогла нам вынести все трудности и опасности нашего путешествия.

— Однако вы выбрали довольно странный способ продемонстрировать свое уважение, лишив меня тех вещей, которыми я дорожу.

— Какая разница, кто теперь будет владеть этими вещами? — заявил бородач. — Скоро само понятие собственности потеряет смысл. Лично вы неоднократно высказывали эту мысль в своих стихах.

Пуилейн не мог не признать, что в словах грабителя присутствует определенная логика. Он попытался утешить себя доводами Кештрела Тсайе — гора награбленного между тем продолжала расти. В самом деле, солнце скоро погаснет окончательно и погрузит землю в вечную тьму, похоронив самого Пуилейна и все его сокровища под слоем льда толщиной в двадцать марасангов. Так ли важно теперь, что грабители лишили его нескольких любимых безделушек? Он потерял бы вскоре все это, даже если бы не открыл опрометчиво двери перед троицей негодяев.

Но подобная софистика не принесла облегчения. Если рассуждать здраво, подумал Пуилейн, то солнце может погибнуть и через тысячу лет или даже позже. Это неизбежно, но реальная опасность отнюдь не бесспорна. В конечном счете Пуилейн будет лишен всего того, что имеет, как и любой другой человек, включая трех грабителей. Однако теперь он ясно осознал, что при прочих равных условиях предпочел бы дожидаться конца света в окружении собранной собственными руками коллекции, а не без нее.

Он решил принять меры для защиты своего имущества и попытался еще раз вызвать Бдительного стража Цитразанды, отчетливо произнося каждый звук, что, как он надеялся, должно было усилить действие заклинания. Но грабители оказались настолько уверены в тщетности усилий Пуилейна, что даже не попытались помешать, а лишь стали смеяться над его магическими словами. И они оказались правы — страж, как и прежде, не пришел на помощь. Пуилейн вдруг отчетливо понял, что рискует не только потерять все то, что злоумышленники уже забрали, но и лишиться самой жизни, если срочно не придумает что-либо более эффективное. И теперь, когда над ним нависла реальная опасность, он увидел, что его многолетние заигрывания со смертью были всего лишь красивой позой, а на деле он вовсе не готов расстаться с жизнью.

Однако у него был еще один шанс на спасение.

— Если вы освободите меня... — начал он и тут же умолк, дожидаясь, когда грабители обратят на него внимание. — Я найду Истинное вино Эрзуина Тейла и выпью его вместе с вами.

Злоумышленники отреагировали мгновенно и вполне предсказуемо. Глаза их засверкали, лица покраснелись. Они обменялись взглядами, в которых читалось неудержимое желание отведать чудесный напиток.

Пуилейн надеялся, что верно истолковал их смятение. Как только грабители поняли, что хозяин дома находится в полной их власти и они могут забрать

из богатейшей коллекции все, что только пожелают, их обуяла самая обыкновенная жадность. Они забыли, что в доме находятся не только разнообразные безделушки вроде Семицветного ковра и Неистоимой шкатулки, но и нечто несравнимо более ценное — скрытое в подвале среди множества прочих редких напитков Истинное вино Эрзуина Тейла, источник неопишуемого наслаждения, эликсир блаженства. Теперь они вспомнили о нем и возжелали его с неодолимой страстью.

— Превосходная идея. — Внезапно охрипший голос Унтана Виорна выдал его жгучее нетерпение. — Скажите, где оно хранится, и мы с радостью его попробуем.

— Эта бутылка не дастся в руки никому постороннему, — объявил Пуилейн. — Я должен принести ее сам.

— Так принесите.

— Сначала вы должны меня освободить.

— Вы ведь можете идти, не так ли? Проводите нас в хранилище, а дальше мы все сделаем сами.

— Ничего не получится, — ответил Пуилейн. — Как вы думаете, почему это вино сохранилось до сих пор? Оно защищено целой сетью заклинаний, таких как чары полной безопасности Тампирона. Таким образом, бутылка может открыться только по желанию законного владельца, каковым в данный момент являюсь я. А если заклинание определит, что мою волю контролирует кто-то другой, то вино попросту испортится.

— Так что же вы предлагаете?

— Развяжите мне руки. Тогда я принесу бутылку из хранилища, откупорю ее, и вы сможете насладиться этим непревзойденным вином.

— А потом?

— Вы испытаете ни с чем не сравнимые ощущения, а я лишусь возможности когда-либо написать великую поэму, которую вы, по вашим словам, так жаждали услышать. Затем, надеюсь, мы попросимся, вы оставите мне немного моих безделушек и вернетесь в свои унылые северные пещеры. Договорились?

Грабители переглянулись и быстро пришли к согласию. Кештрел Тсайе, одобрительно крикнув, дал знак Малиону Гейнтрасту, и тот прочитал заклинание, отменяющее прежние чары. Пуилейн почувствовал, как исчезают путы, стягивавшие его руки. Он размял затекшие суставы, пошевелил пальцами и выжидающе посмотрел на грабителей.

— Несите свое знаменитое вино, — велел Кештрел Тсайе.

Пуилейн повел грабителей через все залы, пока не достиг кладовой, в которой хранились самые ценные вина. Здесь он сделал вид, будто разыскивает нужную бутылку, что-то бормоча себе под нос и покачивая головой.

— Видите ли, я слишком надежно спрятал это вино, — сообщил он чуть по-годя. — Не столько даже опасаясь похитителей, а скорее для того, чтобы помешать самому себе добраться до него в порыве хмельного нетерпения.

— Мы поняли, — отозвался Унтан Виорн. — Однако отыщите его поскорее. Нам тоже не терпится.

— Позвольте мне подумать. Если бы я решил спрятать такое необыкновенное вино от себя, куда бы я его положил? В Кабинет заслуженного отдохновения? Вряд ли. В Киноварный холл? В Хризолитовую гостиную? В табуларий¹? В Трогоновый зал²?

Пуилейн следил за тем, как алчность грабителей разгорается с каждым мгновением. Как они упираются кулаками в бока, как переминаются с ноги на ногу, как тянутся их руки к отсутствующему оружию. Но он продолжал рассеянно бормотать.

— Ах да, конечно же! — внезапно просиял он, после чего пересек комнату и подошел к двери, ведущей в пыльную, темную кладовую. — Вот оно, — торжественно объявил Пуилейн. — Истинное вино Эрзуина Тейла!

— Это? — с недоверием спросил Кештрел Тсайе.

Пуилейн держал в руках ничем не примечательную серую узкую бутылку, покрытую слоем пыли. На крошечной этикетке едва проступали выцветшие буквы. Все трое подошли ближе, громко сопя, словно терзаемые жаждой василиски, и безуспешно пытаясь прочитать надпись.

— Что это за язык? — не выдержал Унтан Виорн.

— Руны Нолвейнов, — объяснил Пуилейн. — Взгляните, вот имя производителя, знаменитого винодела Эрзуина Тейла. А это дата изготовления, но боюсь, она ничего вам не скажет, поскольку вы не знакомы с их системой летосчисления. А это печать короля Гаммелькора, правившего в то время.

— Вы нас не обманываете? — нахмурился Кештрел Тсайе. — Вдруг вы задумали всучить нам менее ценное вино, пользуясь тем, что мы не можем разобрать эти каракули?

— Отбросьте свои подозрения! — беспечно рассмеялся Пуилейн. — Не стану скрывать, что я зол на вас из-за совершенного надо мной насилия. Но я не могу опозорить ложью тридцать поколений моих славных предков. Вам, конечно же, известно, что по отцовской линии я — Восемнадцатый магада Наланды и на меня как на наследственного главу этого священного ордена наложено заклятье, запрещающее говорить неправду. Уверяю вас, перед вами не что иное, как Истинное вино Эрзуина Тейла. Отойдите чуть в сторону, чтобы я мог открыть бутылку, не потревожив Чары Тампирона. Как я уже предупреждал, достаточно малейшего намека на то, что я действую не по своей воле, и вино испортится. Было бы прискорбно убедиться, что оно хранилось так долго лишь для того, чтобы превратиться в бесполезный уксус.

— Но вы действуете сейчас по собственной доброй воле, — заметил Унтан Виорн. — Вы сами предложили нам попробовать это вино без всякого насилия с нашей стороны.

— Это правда, — согласился Пуилейн. Он расставил четыре бокала, задумчиво посмотрел на бутылку и произнес распечатывающее заклинание.

— Достаточно трех бокалов, — поправил его Кештрел Тсайе.

¹ *Табуларий* — государственный архив в Древнем Риме, где хранились народные постановления и другие государственные акты.

² *Трогон* — тропическая птица, имеющая очень яркую расцветку оперения, в которой преобладают зеленые, красные или синие тона.

— Вы не позволите мне попробовать?

— Тогда нам достанется меньше.

— Вы поступаете жестоко, лишая меня даже четвертой доли вина, которое я приобрел за такие огромные деньги и после столь долгих переговоров, что даже не хочется вспоминать об этом. Но будь по-вашему. Мне не достанется ничего. Какая разница, кто выпьет вино, если час наступления вечной ночи уже близок?

Он отставил в сторону один из бокалов и разлил вино по трем другим. Малион Гейнтраст первым ухватился за свой бокал и жадно осушил его. Его холодные глаза мгновенно засверкали. Два его спутника не стали спешить — они нахмурились при первом глотке, словно ожидали более быстрого действия, затем пригубили снова, теперь уже дрожа от нетерпения. Пуилейн еще раз наполнил бокалы.

— Пейте большими глотками, — посоветовал он. — Как же я завидую вам, испытавшим блаженство из блаженств!

Внезапно Малион Гейнтраст повалился на пол и отчаянно забился, а через мгновение вслед за ним рухнул и Кештрел Тсайе, разбросав руки в стороны, словно внезапно пораженный параличом.

Длинноногий Унтан Виорн смертельно побледнел, зашатался и, схватившись за горло прохрипел:

— Это яд? Великий Годиарх, вы обманули нас!

— Именно так, — тихим голосом признал Пуилейн, когда Унтан Виорн присоединился к корчившимся на полу спутникам. — Вместо Истинного вина Эрзуина Тейла я дал вам Совершенный растворитель Гибрака Лахинна. Заклятия Восемнадцатого магады Наланды не распространяются на те случаи, когда он вынужден защищать себя. Полагаю, ваши кости уже начали распадаться. Внутренние органы также, вне всякого сомнения, поражены. Скоро вы потеряете сознание, и это, надеюсь, избавит вас от испытываемых сейчас мучений. Вы удивлены, что я так жестоко поступил с вами? Вы считали меня беспомощным жалким дураком и, вполне вероятно, были правы в столь пренебрежительной оценке. Но в то мгновение, когда вы попытались лишить меня тех вещей, которыми я дорожу, во мне проснулась любовь к жизни, давным-давно, казалось, покинувшая меня. Грядущая гибель мира перестала сковывать мой разум. Я решил сопротивляться дерзкому грабежу — и вот...

Он замолчал, поскольку не было никакого смысла в дальнейших объяснениях. Грабители превратились в лужицы желтой слизи, оставив после себя только шапки, обувь и одежду, которые Пуилейн решил присоединить к своей коллекции. Теперь можно было приказать призрачным слугам прибраться в комнате, а затем с ясным умом вернуться к обычным делам.

— Ну а теперь ты наконец позволишь себе насладиться Истинным вином? — спросил Джимбитер Солептан несколько дней спустя, когда Пуилейн с небольшой компанией его близких друзей собрались на праздничный обед в саду поэта под навесом из небесно-голубого шелка. Воздух благоухал опьяняющими ароматами цветов калавиндры и сладкого наргиса. — Ты едва не лишился его, и как знать, не добьется ли какой-нибудь другой злодей большего успеха?

Я хочу сказать, что лучше выпить вино сейчас, чем вовсе упустить такую возможность. Да, давай выпьем его!

— Нет, все-таки не сейчас, — упрямо возразил Пуилейн. — Мне понятен ход твоих мыслей: нельзя упускать благоприятный случай, который позже может уже не представиться. Если так рассуждать, я должен был с жадностью выпить это вино, как только грабители свалились замертво. Но ты должен помнить, что я хранил его ради высокой цели. И время еще не пришло.

— Да, — согласился Иммитер из Глоша, седовласый мудрец, лучше всех в окружении Пуилейна знакомый с его стихами. — Великая поэма, которую ты хочешь сочинить в тот миг, когда солнце угаснет...

— Именно так. И когда придет этот час, в моей руке должен быть бокал с Истинным вином. Однако у меня есть много других вин, пусть не настолько известных, но все же достойных нашего внимания. Я предлагаю выпить сегодня больше, чем обычно. — Пуилейн указал на шеренгу бутылей и призвал друзей помочь справиться с ними. — А пока вы пьете, — добавил он, вытаскивая из рукава кусок пергамента, — я прочитаю вам стихи, написанные сегодня.

Пришедшая ночь не пугает меня.
Я счастлив, я весел, я полон огня.
Не мучает боль, не страшна темнота,
Пока моя фляга еще не пуста!

Прекрасные девы ведут хоровод,
И вьется над ними крылатый народ.
Со смехом беспечным я выпью до дна
День этот чудесный и кубок вина.

Мы только в начале цветущей весны,
А смерть — это просто нелепые сны,
И фляга моя не пуста!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я купил первое издание «Уми्राющей Земли» в конце 1950 года. Отыскать его было непростым делом, поскольку малоизвестное издательство выпустило книгу в мягкой обложке и безо всякой рекламы. Я влюбился в это произведение с первого прочтения, не раз перечитывал в последующие десятилетия и даже написал несколько эссе, восхваляющих его. Но я и подумать не мог, что когда-нибудь получу почетное право сочинить собственную историю о мире «Уми्राющей Земли» Вэнса. И вот теперь я сделал это. С огромным сожалением я добрался до последней страницы и был вынужден расстаться с удивительным миром. С каким удовольствием я продолжил бы серию, но, увы, приходится считаться с тем фактом, что «Умирающая Земля» принадлежит не мне. Однако я с восторгом отозвался на предложение стать ее частью, хотя бы на недолгое время.